

Л. А. Булавка

«Новый человек»: проблема субъектности на изломах истории*

Одна из центральных теоретических проблем, поднятых Г. В. Плехановым, — это вопрос о роли личности в истории. Рассматривая эту проблему, он вскрыл одно из важнейших противоречий: историю, исторические события творит народ, а образ им придает та или иная историческая личность. В связи с этим возникает вопрос: при каких условиях возможно, чтобы история обрела «лицо» своего непосредственного субъекта?

Кроме того, Г. В. Плеханов показывает и другое противоречие на примере «железного канцлера» Бисмарка, который, выступая в северогерманском рейхстаге в 1869 г., сказал: *«Но мы не можем делать историю; мы должны ожидать, пока она сделается»*** . Противоречивость исторического самосознания Бисмарка Г. В. Плеханов выразил следующим образом: *«И вот этот-то человек, про-*

* Переработанный вариант статьи «Подавление и освобождение Человека: Ренессанс и Советская культура». Текст впервые опубликован: Альтернативы. 2007. № 1.

** Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. М., 1956. С. 12.

*являвший подчас поистине железную энергию, считал себя совершенно бессильным перед естественным ходом вещей, очевидно, смотря на себя, как на простое орудие исторического развития...»**

Исходя из позиции Г. В. Плеханова, но уже применительно к поставленной в данной статье проблеме, мы сформулируем противоречие, являющееся определяющим в становлении субъектности индивида: человек всегда в той или иной мере раб истории, т. е. индивид есть некая функция господствующих общественных сил. Но человек является и творцом истории, т. е. он творит конкретные формы общественных отношений.

Возникает вопрос: какова мера этого соотношения (рабского и творческого бытия в истории) для индивида, той или иной социальной группы, человеческого сообщества в целом в те или иные исторические эпохи? Именно диалектика и мера разрешения этого противоречия в рамках той или иной общественной системы определяет и ее следующие параметры:

во-первых, меру становления гуманистичности той или иной общественной системы;

во-вторых, характер противоречий общественного бытия индивида в истории и культуре;

в-третьих, меру и характер *субъектности* индивида, со становлением которой мы и связываем понятие «Новый человек».

А ведь именно феномен *Нового человека* в его конкретно-историческом выражении как раз и являет собою диалектическое единство субъекта истории и культуры, его культурную целостность. Сущностные характеристики феномена *Нового человека* наиболее ярко и жестко проявляются, когда *новое* зарождается внутри старого, что, как правило, происходит на изломах истории. В связи с этим рассмотрим основные моменты генезиса субъектности индивида как онтологического императива на примере трех переходных изломов истории: *Возрождения, советского проекта и альтерглобализма (новых социальных отношений)*.

Становление субъектности на каждом из этих исторических этапов происходило в реальности, пронизанной острейшими противоречиями. Если говорить о Возрождении и советской

* Там же. С. 13.

истории, то, по мнению автора, обе эти эпохи по масштабам того мирового социально-культурного переворота, который произвела *каждая из них*, несоизмерима ни с какими другими в истории человечества, разве что *только друг с другом*.

Напомним, что в культуре эпохи Возрождения индивид как родовое существо, «выделившись» из понятия «Бог» как единственной и абсолютной субстанции бытия, сделал первый шаг в мир Культуры, чтобы уже в ней в полной мере обрести свою субъектность. Становление субъектности индивида сопровождалось качественным обновлением и самой общественной реальности, нашедшим свое выражение в чертах, характерных не только для Возрождения, но и для советской эпохи: *энтузиазм и творческий почин**; *научно-техническая революция* (причем опытное знание и в том и в другом случае приобретает особое значение); *тесная связь науки и просвещения*; *культурный подъем*, сопровождающийся возрастающим значением образованности и таланта; *утопические построения, становившиеся опорой нового мировоззрения*, нового гуманистического идеала; *формирование нового типа интеллигенции*.

Обновление основ жизни возрожденческого индивида сопровождалось процессом активного самосознания себя как общественного субъекта, хотя и заявленного на территории культуры. Становление индивида как субъекта — это то главное, что составляет суть гуманистического пафоса Ренессанса. Утверждение субъектности индивида вовсе не означало, что ренессансный индивид отверг идею «Бога», он лишь «разделил» с ним мир культуры. Выражаясь метафорически, теперь «Бог» для индивида как субъекта культуры становится «товарищем по творческому цеху», теперь он — *Deus-artifex* (Бог-мастер)**. Не случайно у многих представителей культуры Ренессанса встречается мысль, что художник должен творить как Бог, а может быть, и совершеннее. Самосознанием огромного творческого

* «*Страсть, превышающая действительность, и воля, не знающая преград, были первыми отличительными чертами этого нового героя*», — так характеризовал эту эпоху выдающийся советский режиссер Козинцев Г. См.: Козинцев Г. Отелло // Козинцев Г. Замыслы, письма. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. Л., 1986. С. 75; См. также: Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 67.

** Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. С. 75.

потенциала человека в определении своей собственной сущности преисполнены и строки Леона Баттиста Альберти: «Человек может извлечь из себя все, что пожелает»*. Осталось сделать лишь еще один шаг к тезису о самостоятельном творении Истории.

Этот шаг был сделан существенно позднее — в революционных практиках советской истории, и прежде всего в лежащем в их основе социальном творчестве 1920-х гг. Теперь наряду с культурой уже сама история становится субстанцией *субъектности* индивида. Абстрактная формулировка данного тезиса объективно вызывает вопрос: о каком творчестве истории может идти речь, если при существенных различиях каждого из этапов «Большого пути» их общей и неизменной характеристикой являлось подавление властными (государственными и партийными) институтами любых самостоятельных интенций индивида как субъекта Истории?

Следует отметить, что становление субъектности индивида в каждой из этих эпох происходило не только в условиях острейших общественных противоречий, но и сам этот процесс достаточно открыто проявлял свои имманентные противоречия. Этот вывод имеет отношение не только к советской эпохе, но и к Ренессансу. И все же в той мере, в какой индивиду удавалось обрести полноту своей *субъектности* (культурно-творческой — в мире культуры и социально-творческой — в истории), в той мере он способен был определить и перспективу своего становления как родового человека, под которым я здесь понимаю «род человеческий»**.

Здесь следует особо подчеркнуть важность взаимосвязи таких понятий, как «родовая сущность» человека и «принцип субъектности», историческое сопряжение которых в XX в. стало основой для нового их философского осмысления. В частности, эта проблема была представлена в работах известного французского философа Л. Альтюссера: «Человек думает,

* Там же. С. 242.

** Примечательно, что автор одной из статей 1920-х гг. обращается к известному выражению Шиллера: «Я пишу как гражданин мира, я давно отказался от своего Отечества, чтобы обменять его на человеческий род». См.: Вестник работника искусства. 1920. № 4–5.

что он является объектом субъекта — Бога», а в действительности «сущность человека, общественный труд равняется созданию человека человеком. Человек — это субъект истории. История — это процесс, субъектом которого является человек и человеческий труд»**.*

Генезис идеи субъектности в Возрождении был связан с творчеством в сфере культуры, в то время как в советском проекте — прежде всего с социальным творчеством, которое существовало наряду с превратными формами социализма. Социальное творчество — это особый вид творческой деятельности, связанный с освобождением общественных отношений от всех форм отчуждения, в том числе и тех, что были порождены противоречиями уже советской реальности. В той мере, в какой революционный индивид созидал новые, конкретно-исторические формы общественных отношений, в той мере он творил уже и основы своего общественного бытия, а значит, и самого себя как *Нового человека*. Именно это и определяло взрывообразный, революционный характер развертывания творческой энергии общественного субъекта, обусловленный его мощными преобразовательными интенциями.

И здесь социальное творчество первых лет Октябрьской революции можно рассматривать как историческое подтверждение теоретической правоты Г. В. Плеханова, отвечающего на поставленный им же вопрос: *«Но кем же делается история? Она делается общественным человеком, который есть ее единственный “фактор”. Общественный человек сам создает свои, т. е. общественные, отношения»***.*

Становление субъектности советского человека как раз и составляло *красную нить* советской истории. Несмотря на доминирование сталинистских (тоталитарных и бюрократических) тенденций, *Новый человек* пытался осуществить свою субъектность как творец истории на всех этапах: в 1920-е гг. — как *«борец за мировую революцию»*; в 1930-е — как энтузиаст-строитель *«города-сада»* (Магнитостроя, Новокузнецка); в 1960-е — как строитель *«голубых*

* Althusser L. The humanist controversy and other writings (1966–1967). Verso. L., 2003. P. 242.

** Ibid. P. 286.

*** Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории. Т. 2. С. 33.

городов, у которых названия нет»; в 1970-е — как строитель БАМа; в 1980-е гг. — как модернизатор советской системы (перестройки).

Различие же Возрождения и советской эпохи в контексте нашей проблемы заключалось в том, что в первом случае творческая деятельность развертывалась в мире культуры (Ренессанс), во втором — она была связана с высвобождением общественных отношений от всех форм отчуждения (советский проект). Преемственность этих эпох на основе императива деятельностной субъектности индивида показывает, как провозглашенные Ренессансом общественные идеалы *свободы* в рамках советского проекта не просто наследуются, но получают свое диалектическое развитие как идеалы *освобождения*.

Утверждение субъектности индивида происходило в условиях его напряженной борьбы: в эпоху Возрождения — против *феодальной иерархии, активной деятельности инквизиции, духовного и физического принуждения и постоянных междоусобных войн*; в советскую эпоху — против *государственно-бюрократического насилия, внеэкономического принуждения (ГУЛАГ), конформизма и т. п.* Подчеркну, что гуманизм Ренессанса и советской эпохи не должен служить оправданием инквизиции и сталинизма, а они, в свою очередь, не должны затмевать реальные интенции высвобождения индивида от власти господствующих форм отчуждения.

Становление субъектности индивида как в эпоху Возрождения, так и в советскую эпоху сопровождалось противоречиями, характерными для каждой из них, и находящими свое выражение в общественных настроениях культуры в целом. Вот лишь некоторые:

— обе культуры были пронизаны, с одной стороны, *оптимизмом* и одновременно — *тревогой перед будущим* (Микеланджело и Маяковский);

— философия и художественная культура несли в себе *знание расхождения этической установки общественно-го идеала и реального мира*;

— созидательный по своему духу императив субъектности *критически относится к сложившемуся «миру вещей»*;

— субъектность индивида утверждается в борьбе с социумом, стремящимся оставаться в логике эволюционного консерватизма;

— *наряду с утверждением Нового человека происходит и утверждение мещанства.*

Острота общественных противоречий, через которые утверждал свою субъектность индивид и Ренессанса, и советской эпохи, лишь подчеркивала революционность *красной нити* истории, развивающейся на основе человеческого самоутверждения, только в первом случае — стихийного, а во втором — уже сознательного. Не случайно искусство этих двух разных эпох востребовало общий для них героический и даже титанический, жизнеутверждающий образ человека, явившийся нам в художественных образах, только в одном случае представленных в творениях Микеланджело, а в другом — скульптора В. Мухомой. Их образы в полной мере отвечают представлениям одного из самых ярких представителей Ренессанса Леона Баттиста Альберти о предназначении человека: «...*будь убежден, что человек рождается не для того, чтобы влачить печальное существование бездействия, а чтобы работать над великим и грандиозным делом*»^{*}.

Но и Ренессанс, и советская эпоха показали предел человеческого совершенства и тем самым трагедию отдельного человека. «*Трагедия — не только завершающийся, но и исходный пункт Ренессанса*»^{**}, — эти слова К. М. Кантора в полной мере можно отнести и к истории «реального социализма». Понятие «трагедия» всегда присуще только такому типу культуры, которая исходит из гуманистического идеала. Отсутствие «человека» как понятия, идеи, образа, идеала изымает из культуры собственно и само человеческое понятие — «трагедия», что мы и наблюдаем на примере постсоветской культуры.

Третий излом истории, ставший последующим этапом становления субъектности индивида, связан с новым типом социального движения, которое возникло из неразрешенности противоречий современных процессов глобализации. В практике отечественных исследований оно получило название — *альтерглобализм* (А. Бузгалин)^{***}.

* Цит. по: Карелин М. С. Очерки итальянского Возрождения. М., 1991. С. 164–165.

** Кантор К. М. Двойная спираль истории. Историсофия проектизма. М., 2002. С. 440.

*** См.: Бузгалин А. В. *Альтерглобализм: теория и практика*. М., 2007.

Альтерглобализм, во-первых, возник не просто как протест против организаций и классов. Это революция прежде всего против господствующего в современном мире самого принципа конституирования правил «для всех». Во-вторых, альтерглобализм вырос как *позитивное, диалектическое отрицание* глобальной гегемонии капитала, тотальной системы подчинения ему человека. В-третьих, он является внесистемным, но реальным социальным вызовом глобальному миру отчуждения.

Альтерглобализм как особый тип деятельности — *ассоциированное социальное творчество* (в этом и заключена его «родовая сущность») характеризуется и новым типом субъекта: *сетевым* — по форме и *ассоциированным* — по содержанию. Для него характерны следующие черты: *интернациональный характер* консолидированных выступлений; *интерклассовая структура* участников; *плюрализм идеологий, форм и методов действий*; *сетевой принцип* организации; *полицентричность, антигегемонистский характер* движения, децентрализация, *подвижность и временность* координирующих акции сетей, открытость сети для «входа» и «выхода»; общедоступность ресурсов (прежде всего — информационных) сети; вторичность форм и структур по отношению к содержанию деятельности.

Один из ведущих теоретиков альтерглобализма А. В. Бузгалин еще в середине 1990-х гг. писал о том, что глобальная гегемония капитала не может не породить в качестве своей альтернативы субъекта ассоциированного социального творчества*. Именно альтерглобализм явился тем типом социального движения, в лоне общественных отношений которого началось *выращивание нового субъекта — современного массового субъекта ассоциированного социального творчества*.

Особый характер творческой деятельности, лежащей в основе альтерглобализма, как раз и обуславливает конкретно-всеобщий принцип бытия индивида в современном глобализационном мире, в котором решение его проблем становится предпосылкой, формой и результатом становления субъектности индивида XXI в. Вот почему новые социальные движения в действительности означают попытку прорыва из мира отчуждения в «царство свободы». И даже в случае отсутствия практического результата таких попыток неизменно позитивным

* См.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М., 2004.

итогом этого является практика творчества самим индивидом социальных форм общественного диалога, в ходе которого и происходит становление его субъектности, т. е. становление *Нового человека* во всем богатстве его противоречий. Это дает основания сказать, что альтерглобализм — это альтернатива «человеку скучному» — типичной фигуре эпохи массового потребления, массовой культуры, средств массовой информации.

Анализ проблемы субъектности индивида через развитие противоречия «*Человек — творец истории; Человек — раб истории*» на примере трех социальных изломов (Ренессанса, советской эпохи и альтерглобализма) выводит на проблему генезиса и развития феномена *Нового человека*. Одновременно это позволяет нам увидеть диалектику онтологической основы гуманизма: от идеалов *свободы* (Ренессанс) через идеал *освобождения* (советская эпоха) к *самоосвобождению* (альтерглобализм).

Одновременно становление субъектности показало особенно на изломах истории противоречивую природу утверждения этого родового качества человека.

Ренессанс, который, с одной стороны, являлся порывом к гуманизму, утверждающему понимание человека как титана, а с другой — попыткой ухода от социальной несправедливости, социального неравенства и феодально-церковного авторитаризма. И здесь, используя выражение Фукуямы, можно сказать, что мощные утопические попытки движения Ренессанса к свободе личности доказали свою ограниченность и более того — бесплодность.

Осуществление субъектности в рамках советского проекта стало важнейшей предпосылкой значительных достижений СССР: новый опыт движения к социальной справедливости; победа *Нового* (советского) *человека* в мировой войне с фашизмом; создание нового типа культуры — советской, являющейся *всемирной* формой культуры; прорыв в сфере науки (первый полет человека в космос) и образования.

Одновременно оно было связано с негативными, а нередко и трагическими последствиями, среди которых были преступления «голового» активизма в виде сталинского ГУЛАГа и застойных «психушек»; бюрократическое «заматывание» общественных инициатив, ведущих к элиминации *Нового человека*;